

пода, какъ бы чувствуя свою некомпетентность, сначала держали себя съ нѣкоторою осторожностью, потомъ же попривыкли къ своему новому положенію и готовы заявлять себя настоящими хозяевами. При подобныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ высшее театральное начальство въ Петербургѣ, конечно, поступаетъ разумно, держась строго системы постоянного центрального контроля; однако, съ другой стороны, что же хорошаго для правильнаго теченія дѣла въ такомъ порядкѣ, при которомъ мѣстная власть не можетъ ступить шагу безъ разрѣшенія высшей? Не говоря уже о приглашеніи артистовъ и другихъ исполнителей, о постановкѣ новыхъ пьесъ и оперъ и т. п. крупныхъ мѣропріятіяхъ, здѣшнее театральное управленіе не имѣетъ собственной власти на утвержденіе недѣльнаго репертуара, на кратковременный отпускъ артиста (даже въ свободное отъ спектакля время!), на приплату нѣсколькихъ рублей какимъ-нибудь статистамъ или рабочимъ. Высшему начальству тоже слѣдуетъ поставить многое въ упрекъ. Оно постоянно запаздываетъ съ своими отвѣтами по существеннѣйшимъ вопросамъ, тормазитъ тѣмъ и путаетъ веденіе дѣла на мѣстѣ, а по временамъ вноситъ въ него замѣшательство неудачными проявленіями собственной инициативы. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, въ самый разгаръ сезона, оперная труппа, вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній изъ Петербурга, была занята въ теченіе многихъ недѣль разучиваніемъ новой оперы; время было потеряно для постановки другихъ возможныхъ и необходимыхъ новинокъ, въ концѣ же концовъ оказалось, что разучиваемая опера не можетъ идти, такъ какъ послѣдніе акты ея еще не написаны композиторомъ! Въ театральномъ дѣлѣ, гдѣ существуетъ такое обширное поле для проявленія страстей и самолюбія, гдѣ такъ много почвы для всяческой интриги, особенно желательно существованіе компетентной власти, дѣйствующей во всемъ съ увѣренностью и послѣдовательностью, съ быстротою и настойчивостью. Что можно сдѣлать изъ театра, обладая хотя долею этихъ качествъ, о томъ свидѣтельствуетъ маленькій нѣмецкій театрикъ, въ продолженіе всей зимы собиравшій въ свои стѣны лучшую часть московской образованной публики. Москвичей восхищали здѣсь своею игрою сначала Поссартъ, потомъ Барнай. За обоими осталась репутація большихъ артистовъ, вокругъ обоихъ сгруппировались партіи поклонниковъ, обоимъ устраивались оваціи, и въ заключеніе обоихъ чествовали торжественными пиршествами. Поссартъ со сцены увлекъ всѣхъ своимъ музыкальнымъ голосомъ, поразилъ игрою, обдуманною до малѣйшихъ деталей, импонировалъ тонко проведенною декламаціей, видъ сцены восхитилъ публику, принявъ живое участіе въ юбилеѣ ветерана русской сцены И. В. Самарина, и, конечно, остался лишь вѣренъ своей декламационной школѣ, когда, не справившись, какъ слѣдуетъ,